

ЛИДИЯ МИХЕЕВА

Ветеран Великой Отечественной войны

СМОЛЕНСК В ОГНЕ

Фронтвая быль

От автора:

В своё время я не раз останавливалась у второго подъезда своего дома, где на скамеечке у двери частенько сиживал инвалид войны 1-й группы, старый солдат Иван Татаринов. Бывало, он просил подойти и поговорить с ним.

В 1994-м году, как-то утром, он рассказал мне историю, как прошёл у него первый день войны. Его безыскусное повествование настолько потрясло меня, что я написала рассказ “Смоленск в огне” — о героическом поступке молодого бойца.

Через неделю Иван Татаринов умер... А спустя уже лет 18 я сидела так же, как он когда-то, на стуле у своего подъезда. Ко мне подошёл незнакомый товарищ и попросил разрешения зажечь свет в подъезде. Я сказала, что в его подъезде жил Иван Татаринов, и я писала о нём. А подошедший оказался его сыном... Этот случай заставил меня вновь вспомнить свой рассказ, который я посвящаю подвигу советских людей военного поколения.

*И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабых из нас?..
Что гадать? Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.*

Юлия Друнина

Новобранцы, присланные каким-то нерасторопным организатором в Ленинград на финскую войну, прибыли туда лишь к концу мая 1941 года. А война закончилась в 1940 году, потому командование приняло решение отправить их в литовский город Алитус, в котором базировалась тридцать шестая танковая дивизия.

Один из присланных, Иван Татаринов, до мобилизации работал в сельской лавке своего села продавцом. При лавке была старенькая полуторка, на которой он сам привозил товар. Он лихо гонял дребезжащую полуторку по сельским просёлкам. В дивизии учили умение Ивана управлять машиной и закрепили за бензовозом.

На новом месте Иван с крестьянской основательностью начал присматриваться, как живут литовцы на своих хуторах. Вспоминал свою деревню, и в его душе просыпалось что-то вроде зависти к их рациональной жизни. Литовцы же к вновь прибывшим бойцам Красной армии относились отчуждённо,

отчего командование побаивалось за молодых ребят и не разрешало бойцам вступать с ними в контакт.

В жаркий июньский день Иван возвращался на бензовозе из дальнего гарнизона в город. Его одолевала жажда, казалось, что распухший язык прилипает к глотке, а горло начинает уже слипаться. Иван огляделся кругом – ни души. Он с тоской всматривался в дорогу, но не видел ни одного селения. Вдали лишь виднелись перелески да кустики. Вдруг он увидел вдалеке идущего по дороге человека. Иван прибавил газу, чтобы догнать его. Поравнявшись с прохожим, он притормозил машину и, убедившись, что его никто не видит, обратился к человеку, по виду литовцу. Иван жестами стал пояснять, что он очень хочет пить. Тот удивлённо посмотрел на него и вдруг на русском языке сказал:

– Говори, браток, я же белорус и на русском языке всё понимаю. Здесь, в Литве, много живёт белорусов. В этих местах люди лучше живут, чем по России. Видел, какие здесь хутора? А лавки у них какие богатые – чего там только нет!

– Лавки у них хорошие, – согласился Иван. – Это не наше сельпо. Поглядеть – и то душа радуется! – И тут же попросил:

– Ты, мил человек, напои меня. Сил больше нет терпеть.

– Чего ж не напоить? – ответил мужик. – Я враз тебе принесу крынку молока. – Он показал рукой:

– Вон за тем леском мой хуторок стоит. И съестного тебе принесу, сколько надо, а ты, браток, мне бензину ведёрочко налей. Лады?

– Давай, неси ведро под бензин, – согласился Иван и добавил:

– Главное, питьё не забудь.

Мужик быстро пошёл к лесу, а Иван сухим языком облизнул пересохшие губы, заглушил мотор и стал ждать мужика. Теперь у него появилась надежда утолить жажду.

Мужик не обманул его и быстро вернулся. Он подал Ивану узелок с крынкой молока, который Иван пытался развязать, а узел, как назло, не поддавался. Наконец, он справился с ним и, припав к краю крынки губами, стал жадно пить, не переводя дыхания. Выпив половину, Иван перевёл дыхание, вытер губы и перелил остатки молока во фляжку. Теперь он, довольный, соскочил со ступенек, взял у мужика ведро и, подсосав шлангом бензин из бака, кинул шланг под сиденье.

– Я думал, мне конец пришел, а нет! Есть же на белом свете ещё Бог. Он и послал мне тебя, – сказал Иван белорусу.

Потом подал ему ведро с бензином и, сев в кабину, крикнул:

– Бывай!

Иван нажимал на акселератор, катил в часть, а по дороге любовался природными посевами, вспоминал свой дом в деревне, лавку и девчат. За думами он не заметил, как одолел длинный путь и оказался у ворот части. Едва он остановил бензовоз, как к нему подбежал командир, будто он тут его и ждал:

– Давай, быстро заправляй на нефтебазе цистерну и догоняй нас. Уходим на ученье по дороге на восток.

Иван развернулся и покатил на нефтебазу, где заправился и догнал колонну. К ночи в лесу солдаты разбили палатки, замаскировали их и расположились на ночлег. Воскресное утро встретило бойцов ярким ласковым солнцем. Пошли строем по дороге на завтрак. Настроение у всех было приподнятое. В ясном небе летели самолёты. Один из бойцов, глядя на них, крикнул:

– Смотрите, ребята, как быстро начались ученья! Уже и самолёты тут как тут!

Другой боец подметил:

– Посмотрите ребята, как, стервецы, маскируются! На крыльях-то у них вместо звёзд – кресты!

Бойцы, стоя у кустов, наблюдали за самолётами. Один из самолётов начал снижаться над дорогой, как раз к полевой кухне. Неожиданно самолёт на бреющем полете застрочил по солдатам из пулемёта. Бойцы в панике бросились кто в кювет, кто к кустам, а некоторые так и остались лежать на дороге. К ошеломлённым бойцам в кусты подбежал командир. Скулы его, несмотря на все усилия сдержаться, дрожали, он сказал:

– Товарищи, началась война! Вернитесь к машинам и займите свои места в танках!

По приказу командования дивизия вернулась на исходные позиции, и танки приняли бой. После боя они отступили, чтобы соединиться с основными частями, так как боеприпасов у них почти не осталось. Ивану приказали заправить все танки, ехать на нефтебазу и заполнить цистерну. Колонна из тридцати машин направлялась на переформирование в Вильнюс, на восток. Иван же поехал на запад, в обратную сторону, на нефтебазу. Подъехав к заправке, он выскочил из кабины и, поднявшись на цистерну, открыл люк и бросил в него шланг. Затем подбежал к вентилю колонки, у которого стояла заправщица, внимательно следившая за ним, и крикнул:

– Давай, подруга, заправляй скорей бензин для тридцать шестой дивизии – пять тонн!

Женщина победоносно взглянула на него и небрежно бросила в ответ:

– Сто литров, и всё тут! Пришёл строгий приказ – никому не давать более ста литров. Понял! Так что убавь аппетит!

Иван заволновался, вспомнив расстрелянную колонну, и крикнул:

– Ты что, милка, одурела, что ли? Война! А ты армии бензин не даёшь? На дивизию танков твои сто литров это ничто! На них часть и за ворота выехать не сможет! Наливай пять тонн без разговоров. Некогда мне тут с тобой торговаться!

– И не подумаю. Мне какое дело до твоих забот? У меня строгий приказ.

Иван бросился к вентилю, но женщина загородила его собой:

– Не дам, хоть режь!

– Ах, так! – Иван с такой силой оттолкнул её, что она, далеко отлетев от вентиля, чуть не растянулась на земле. Он вновь забросил шланг в цистерну и отвернул вентиль. Женщина издали смотрела на него, не решаясь вступить с ним в противоборство. Иван наполнил цистерну, закрыл вентиль, сбросил шланг и, завернув люк, спрыгнул на землю. Он посмотрел на растерянную женщину и примирительно сказал: – Не обижайся на меня. Война, а ты это ещё не понимаешь. Приходится так объяснять, пока разберёшься, что к чему. Всё равно всё пропадёт. Немец не пощадит, всё разбомбит. Сама-то уходи отсюда. Пропадёшь вместе с бензином. Прощай!

Вскочил в кабину и выехал за ворота. Теперь он жал вовсе на акселератор, чтобы догнать свою колонну, и уговаривал машину словно живую: “Ну, давай, давай, жми, родная, на всю железку! Теперь каждая минута решает нашу с тобой жизнь”.

Наконец, он въехал в лес и вскоре нашёл свою колонну. Тут он увидел низко летящую над верхушками деревьев группу немецких бомбардировщиков, а через несколько минут услышал страшный взрыв. Чёрный дым заслонил небо над лесом. Он понял, что взорвалась нефтебаза, и подумал о женщине: “Жалела бензин, который теперь уже никому не достанется. Успела ли сама-то уйти?..” Вновь ему вспомнилась расстрелянная рота и падающие в кювет и на дорогу бойцы...

* * *

Колонна машин выехала на просёлок и направилась к Вильнюсу. В лесу оказалась масса развилок с множеством дорог. Но по какой из дорог ехать на Вильнюс? Никто этого не знал. Местные жители не попадались. Спросить было не у кого. У одной из развилок, на их счастье, попался, идущий им навстречу, литовец. Боец с первой машины остановился около него и стал спрашивать, как проехать на Вильнюс. Хмурый, чем-то недовольный мужчина стал палочкой чертить на земле, как им ехать. Расстались с ним и поехали дальше. Ехали долго, а города или большой дороге не встречали. Всех стало охватывать сомнение. Солдаты волновались. Неожиданно они увидели хутор. Остановились и заметили мужчину, чистившего хлеб. Один из бойцов подошёл к нему и спросил:

– Отец, далеко ли нам ещё до Вильнюса ехать?

Мужчина разогнулся, поставил лопату и, с удивлением посмотрев на них, ответил:

– Вы же едете от Вильнюса, а не к нему. В этой стороне граница. Она здесь уже рядом, а на ней немецкие танки стоят. Вам надо вернуться и выехать на большую дорогу. По ней вы приедете прямо в Вильнюс, – он подо-

брал палочку и стал на земле чертить карту лесных дорог, как выехать на большую дорогу.

Вернулись к машинам, и Мишка со злостью сказал:

– Если встречу эту сволочь, на месте расстреляю! Пусть меня судят, но за такое нельзя поступить иначе! Он же нарочно нас к немцу в зубы послал!

До Вильнюса добрались благополучно, но там уже начался хаос. Все бегали в панике. Каждый решал свою судьбу, как мог.

Командир с первой машины спросил:

– Ребята, что теперь будем делать?

Бойкий паренёк деловито заметил:

– А делать будем то, что делают все. Получим довольствие и постараемся поскорей покинуть Литву. А там направимся в Минск на переформирование.

Иван деловито подхватил его реплику:

– На Минск – так на Минск! Заберём сейчас довольствие и, не мешкая, айда туда. Немец, небось, не дремлет, быстро нам на хвост сядет. Да подпалит его так, что побежишь, как наскипидаренный.

Бойцы получили кое-какие продукты, залили полностью баки машин бензином из цистерны. А Иван наполнил цистерну на нефтебазе. Все колонной двинулись на восток по направлению к Минску. Продвигались медленно, так как дороги были забиты двигающимися в ту же сторону машинами и людьми. Из Литвы группами шли бойцы, оставшие от своих частей, а также гражданское население. Питались все по случаю, если удавалось что-либо раздобыть из съестного. Военные двигались крайне медленно, так как у большинства бойцов ноги были стёрты до кровавых мозолей, и они, преодолевая боль, едва передвигались. Бойцы пробовали проситься на попутные машины, чтобы как-то приблизиться к спасительному востоку. Командиры же проезжающих частей побаивались брать к себе случайных людей, да всех и не увезёшь. Бойцы шли в потоке вместе с гражданскими людьми, уходившими от немцев. Они в этом потоке выглядели, как щепки, смытые водой и затерявшиеся в этой стремнине. На подъезде к городу Дзержинскому их колонну остановил полковник, ехавший навстречу на “эмке”. Он подозвал к себе командира первой машины. Полковник спросил, откуда они следуют и куда. Узнав, он им посоветовал:

– Товарищи, в Минск не въезжайте. Он горит, как свеча, вы там сгорите. Попробуйте найти объезд. Несмотря на то, что это будет дальше, зато будет надежнее, и вы прорвётесь к своим частям. Прощайте.

Его машина поехала на запад, а колонна пошла в объезд через Могилёв. Там Иван задержался, чтобы на нефтебазе Могилёва залить цистерну. Выехав из ворот нефтебазы, Иван, где только удавалось, гнал машину на предельной скорости, чтобы догнать колонну. Едва он влетел в лес, как увидел в небе группу немецких бомбардировщиков, а через несколько минут услышал грохот, и над верхушками деревьев поднялось зарево. Иван понял, что немцы бомбят в Могилёве нефтебазу. “Опять я успел заправить свой бензовоз”, – подумал он.

На дороге в лесу он увидел бойцов, медленно бредущих на восток. Некоторые бойцы опирались на палки. Многие из них оказались без сапог. Ноги их были обернуты портянками. Увидев машину, они бросились на середину дороги и преградили ей путь. Иван притормозил. Подошёл один из бойцов и попросил:

– Подбрось, браток, ради Христа! Погибаем! Бредём который день, а во рту ни маковой росинки не было. У всех потёрты ноги, едва передвигаемся. Хоть чуток подбрось поближе к своим. Будь другом!

– Я не имею права возить на цистерне людей! Понимаешь? – ответил Иван.

– Да какое тут право? – спросил боец с серым, давно не бритым лицом. На его глазах блеснули слезы:

– Не видишь? Погибаем.

Ивану стало не по себе, и он подумал: “Действительно, люди погибают, а я что, не имею право помочь?” И он сказал:

– Ладно, садитесь на цистерну. Подвезу сколько смогу. Вы с оружием, если кто станет грабить бензин, отнимать его, то защищайте меня.

Бойцы, помогая друг другу, устраивались на цистерне, а когда разместились, один из них сказал:

— Будь спокоен. К машине никого не подпустим, если кто не послушает, то уложим на месте. Езжай, браток, не подведём.

Под Смоленском Иван догнал колонну и, ссадив бойцов, пристроился в хвост. Подъезжая к Смоленску, увидел вдали зарево пожара. Казалось, что горит вся земля. Бойцы со встречных машин говорили, что въехать в Смоленск всё равно, как вкатиться в полыхающий костёр. Люди говорили:

— Среди города уже кромешный ад! Всё горит и сверху валится прямо на дорогу. Это Божий страх, что там творится! Кто побывал там, никак не придёт в себя от ужаса.

У Ивана была полностью заправленная цистерна. Он прекрасно понимал, что за Смоленском уже разбомбили все нефтебазы и там бензина днём с огнём не найдёшь! Колонна без бензина не сможет догнать основные войска, поэтому танки окажутся грудой металла, брошенной на дороге. Хочешь не хочешь — надо прорываться с бензином сквозь огонь, так как объездных дорог нет. И он решил прорываться на бензовозе через горящий город. Иван подошёл к пожарной команде, которая была в составе их колонны, и сказал:

— Ребята, за Смоленском без бензина нам хана! Останемся в зубах у немца! Видите, как он прёт, аж земля под ним дрожит! Нагонит нас, как пить дать, а у нас даже оружия нет, чтобы от гада отбиться! Надо нам проскочить сквозь огонь с бензином. Заправляйте ваши машины водой и пристраивайтесь ко мне. В случае чего, будете поливать цистерну. Я постараюсь пролететь город на предельной скорости.

Пожарные ответили:

— Давай, друг! Постараемся не подвести!

Иван ювелирно огибал препятствия — то разбитую машину, то упавшую горящую балку. В его голове билась одна мысль — вырваться из огненного ада. Он мчался, как в кошмарном сне, на предельной скорости, сжав в кулак свои нервы. Казалось, что не будет конца этому ужасу, сжавшему человека в нервный комок. Наконец, он вырвался из города, но по-прежнему бешено гнал машину, пока не въехал в лес. Только тут он остановился и, заглушив мотор, повалился рядом под кустом, уткнув лицо в траву. Он чувствовал, что всё его тело разбито, что он не может даже пошевелиться. Так он пролежал долго. Когда очнулся, то увидел, что пожарные тоже лежат около своих машин. Один из них, подняв голову, посмотрел на Ивана, покачал головой и сказал:

— Ну, Ванька, ты и гнал машину, мы едва поспедали за тобой. Думали, колёса отвалятся. Небось, у тебя и сейчас портки мокрые! Сидел, словно у дьявола на сковородке. Посмотри, может, всё мужское изжарил? После этого ни одна невеста на тебя и взглянуть не захочет.

Все дружно рассмеялись и стали рассаживаться в круг и вспоминать пёрежитое.

— Ну, ребятки, страху-то мы все спраздновали, — подвёл итог серьёзный боец. — Думали, как рванёт от жару эту заразу-цистерну, так все сразу строем вместе с машинами к праотцам в рай двинемся, и поминай, как звали!

* * *

Утром после хорошего завтрака колонна двинулась на Калугу. До неё ехали сравнительно спокойно; несмотря на бомбёжки, все остались живы. Прибыли в воинскую часть. Командир из первой машины вызвал дежурного и доложил:

— Прибыла из Литвы автоколонна тридцать шестой танковой дивизии на переформирование.

— Подождите, товарищи. Я сейчас о вас доложу командиру части, — сказал он.

Дежурный ушёл и скоро возвратился.

— Заезжайте, товарищи, — сказал он и обратился к старшине: — Поставьте их на довольствие.

Как только они заехали в ворота части, их сразу окружили бойцы и командиры. Все расспрашивали:

— Как там на фронте?

Подошёл командир части:

— Значит, вы кадровые, с фронта, обстрелянные! Зачислим вас пока на охрану техники, а завтра решим вашу дальнейшую службу.

На другой день командир части объявил:

– Вы должны прибыть в Москву, откуда вас уже направят на фронт.

Все разошлись по машинам. Москвы никто не знал. Как по ней проехать в нужном направлении, тоже никто не знал. Тут вызвался один из водителей – Володя Зайцев:

– Ребята, я москвич, работал там до армии шофёром. Так что Москву я знаю, как свои пять пальцев. Я поеду впереди, а колонна за мной.

Выехали за ворота, и колонна пошла на Москву. Въехали в Москву в маскировочном наряде. Из танков во все стороны торчали ветки ольхи и орешника. Проехали по Москве, словно роща ехала. На улицах их провожали взгляды людей, полные уважения к фронтовикам. Володя смотрел на улицы города и не узнавал своих земляков, настолько они переменялись. Все спешили и одеты были не в яркие летние наряды, а в рабочую одежду. Никто не шутил, не улыбался. Многие спешили покинуть город. На Казанском вокзале в Москве стояли эшелоны для эвакуации Большого театра и Авиационного института в Алма-Ату. Володя привёл колонну на улицу Осипенко, прямо к подъезду Комитета обороны. Командир вошёл в подъезд и доложил дежурному о прибытии с фронта колонны, которая сумела добраться до Москвы благодаря мужеству простого шофёра Ивана, прорвавшегося на своём бензовозе сквозь пылающий Смоленск.